

Харсеева Наталия Вячеславовна**Kharseeva Nataliya Vyacheslavovna**

доктор философских наук,
кандидат культурологии,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
Кубанского социально-экономического института

D.Phil.,
PhD in Cultural Studies,
Head of the Social, Natural Sciences
and Humanities Department,
Kuban Institute for Social and Economic Studies

Годаль Арсения Николаевна**Godal Arseniya Nikolaevna**

студентка факультета журналистики
Кубанского социально-экономического института

Student, Journalism Department,
Kuban Institute for Social and Economic Studies

ЭСТЕТИЗАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПАТОЛОГИЙ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЭГОНА ШИЛЕ И ХАНСА БЕЛЛМЕРА)

AESTHETICIZATION OF MENTAL PATHOLOGY AS AN ARTISTIC PHENOMENON (BY CASE STUDY OF THE WORKS OF EGON SCHIELE AND HANS BELLMER)

Аннотация:

В статье рассмотрено становление эстетики истерии в произведениях австрийского художника Эгона Шиле и немецкого графика, скульптора и фотографа Ханса Беллмера. Изучено влияние художников на современное искусство. Проанализированы понятия «норма» и «патология» в контексте современного искусства. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом искусства к психологическим патологиям. В работе рассмотрен феномен эстетизации психических отклонений как способ культурного и философского самовыражения художников, в то время как в рамках современной культуры эстетика «вне-нормы» определяется прежде всего как признак постмодернизма. Сюрреалистическая эстетика «ненормальности», уродства становится предпосылкой для появления новой нормы, нашедшей отклик в современных тенденциях боди-позитива, боди-модификации и скарификации, стирая, таким образом, грани между «нормой» и «анти-нормой», высоким искусством и повседневной жизнью.

Ключевые слова:

истерия, экспрессионизм, сюрреализм, дадаизм, феминизм, эстетизация уродства, психоанализ, норма, патология, Эгон Шиле, Ханс Беллмер.

Summary:

The article reviews the formation of aesthetics of hysteria in the works of the Austrian artist Egon Schiele and the German graphic artist, sculptor and photographer Hans Bellmer. The influence of artists on the modern art is studied. The concepts of "norm" and "pathology" are analysed in the context of contemporary art. The relevance of this study is determined by the increasing interest of art in psychological pathology. The article reviews the phenomenon of aestheticization of mental pathology as a way of cultural and philosophical self-expression for artists, while in modern culture aesthetics beyond the norms is considered to be a sign of postmodernism. The surrealist aesthetics of "abnormality", ugliness becomes a prerequisite for a new norm reflected in current trends of body positive, body modification and scarification. This in turn eliminates the distinctions between "norm" and "anti-norm", high art and everyday life.

Keywords:

hysteria, expressionism, surrealism, dadaism, feminism, ugliness aestheticization, psychoanalysis, norm, pathology, Egon Schiele, Hans Bellmer.

Начало XX в. было отмечено значительным промышленным и научным прогрессом, оказавшим огромное влияние на общественную, политическую и культурную жизнь общества. Сформулированные Жаном Мартемом Шарко идеи о психогенной природе истерии получили отклик в исследованиях основателя психоанализа Зигмунда Фрейда. Новаторские теории Фрейда и Шарко не могли не повлиять на арт-пространство: попытки стереть тонкую грань между гениальностью и безумием находят выход в новых течениях искусства начала XX в.: экспрессионизме и – в большей степени – дадаизме и сюрреализме [1].

Основоположником сюрреализма принято считать французского писателя и поэта Андре Бретона, однако авторство термина принадлежит поэту Гийому Аполлинеру [2], впервые употребившему данное понятие в пьесе «Грудь Тирезия, сюрреалистическая драма в двух актах и с прологом». Сформулированная в 1924 г. Бретоном идея сюрреализма первоначально концентрируется на соединении крайностей, пренебрежении обыденным и попытках взаимодействия ирреальности и общественной жизни.

Активная общественная позиция сюрреалистов стала противовесом течению дада – искусству отрыва от реальности, сформулированному в 1916 г. Тристаном Тцара, один из принципов которого гласит: «Все, что человек видит, ложно» [3, с. 23].

Появившийся ранее экспрессионизм имел некоторые общие черты с сюрреализмом, основываясь на спонтанности как первоначальной человеческой субстанции, независимой от сознательной деятельности.

Подобные идеи не могли не найти отклика в другом популярном течении XX в. – фрейдизме. Бретон основывал на учении Фрейда многие аспекты движения сюрреалистов, в том числе анализ сновидений, теорию сознательного и бессознательного. Помимо Бретона, Тцара, Аполлинера, Десноса и других литераторов-сюрреалистов, фрейдизмом в той или иной степени интересовались художники: сюрреалисты Дали и Миро, экспрессионисты Кокошка и Шиле, скульптор и фотограф, дадаист и сюрреалист Беллмер.

Для творчества последних, кроме классического для литераторов интереса к сновидениям (к примеру, постановки «снов наяву» группой Бретона), характерна так называемая «эстетизация истерии» – поиск прекрасного в анти-норме, смещение параметров нормального и ненормального, вызов традиционному искусству классических пропорций.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом искусства к психологическим патологиям. Расширение понятия «норма» и научные достижения в области психиатрии способствовали развитию эстетики истерии и эстетики уродства. В работе рассмотрен феномен эстетизации психических отклонений как способ культурного и философского самовыражения художников, в то время как в рамках современной культуры эстетика «вне-нормы» определяется прежде всего как признак постмодернизма.

Объектом исследования являются работы австрийского художника Эгона Шиле и немецкого графика, скульптора и фотографа Ханса Беллмера.

Предметом исследования выступает эстетика истерии в работах Э. Шиле и Х. Беллмера.

Основополагающие научные разработки в области изучения сюрреализма представлены трудами Л.Г. Андреева, Ж. Шенье-Жандрона, В.М. Петрова, Е.Г. Петраш, Р. Ванейгема, экспрессионизма – Л. Ришара, Н.В. Пестовой, П.М. Топера. Изучению психопатологической составляющей сюрреализма посвящены работы А.Э. Воскобойникова, В.И. Пинковского. Впервые тема патологии сюрреализма поднята французским писателем и поэтом Андре Бретоном.

Новизна исследования заключается в том, что впервые вопрос об эстетизации истерии рассматривается в контексте творчества двух художников: Эгона Шиле и Ханса Беллмера.

В 20-е гг. XX в. первыми сюрреалистами был поднят вопрос об «эстетизации психических патологий» [4]. Еще во время учебы на медицинском факультете Андре Бретон зарисовывал и записывал фантазии и сны пациентов с диагностированной шизофренией [5], что впоследствии послужило поводом для написания статьи «Искусство безумных, путь на свободу» (1948). В ней Бретон говорит о значимости новой эстетики, после Второй мировой войны послужившей основой для нового направления в искусстве – ар-брют (Art Brut). В качестве довода Бретон приводит цитату Жозефа Ло Дюка: «Публика ничего не понимает в красоте, которую до сих пор путает с красотой, шармом, приятностью. Ей неведома роль интенсивности, ритма, меры. Искусство сумасшедших должно заронить в ней сомнение – то самое благотворное сомнение, которое открывает перед ней путь высшего и проясненного понимания» [6, р. 885].

Однако еще в 1928 г. Бретон дает определение эстетике истерии: «Это психическое состояние основано на потребности взаимного соблазнения, что объясняет быстрый успех чуда медицинского внушения (или противовнушения). Истерия – это не патологический феномен, она может во всех отношениях рассматриваться как высшее средство выражения» [7, с. 186].

Но попытки выразить эстетику истерии через искусство были сделаны в первом десятилетии XX в. До манифестации сюрреалистической эстетизации психопатологии в Европе появляется художник, творчество которого отвергает классические каноны красоты, подводя автора от чистой экспрессии к патологическому сюрреализму. Ученик модерниста Густава Климта, австриец Эгон Шиле на заре карьеры работает в традиционном академическом стиле, о чем свидетельствуют его ранние творения.

В более поздних произведениях для Шиле характерны попытки самоанализа через репрезентацию автопортретов, карикатурность и гротеск. Бесконечные вариации на тему собственного облика как распад личности на сотни самостоятельных индивидуумов стали поводом для рассмотрения творчества Шиле в контексте психиатрических теорий о диссоциативном расстройстве идентичности. Однако «синдром множественной личности» в автопортретах Шиле не более чем художественный прием, показывающий ряд других патологий: садизм, мазохизм и нарциссизм [8]. Картины Шиле стали художественной иллюстрацией теории Шарко о психогенности ис-

терии, то есть влияния подсознания на изменение тела [9]. Коллекция фотографий больных истерией женщин стала культовым предметом поклонения и предметом искусства, версией декадентской женственности. Попытки Шиле идентифицировать себя с истериками находят отражение в изображениях рук на его картинах: изогнутые кисти напоминают дистонические спазмы, присущие истерикам.

Также для Шиле характерны свойственные эпохе фрейдизма поиски сексуальности и деградация наготы. Картины Шиле стали переходом от академической наготы, где женщина служит объектом вожделения, к попыткам представить женщину-личность.

По словам искусствоведа Вернера Хофмана, Шиле представляет собой типичный образец творчества поственской школы: «В искусстве появляется принцип безобразия или внеэстетической бесформенности. Искусство может не просто выходить за рамки того или иного относительного типа красоты, но и вообще освобождаться от принципов эстетики, принципов художественности. Творчество Шиле, как и творчество других экспрессионистов, Оскара Кокошки, свидетельствует о пробуждении от эстетических грез в духе стиля модерн. Форме, стилю и эстетическим наслаждениям противопоставляется реальность, ужас, шок» [10, р. 2].

Эстетизация психопатологий Шиле представляет собой отсылки к сюрреализму и дадаизму. Патология нервных болезней, отклонение от нормы, отрыв от реальности как нельзя точнее передают эстетические провокации сюрреализма.

Своеобразный оммаж творчеству Шиле представляет деятельность немецкого графика, скульптора и фотографа Ханса Беллмера. Главной работой Беллмера стали деформированные куклы, являющие собой совокупность свободно соединяющихся частей.

По мнению литературоведа Ирины Анатольевны Кулик [11], источником вдохновения для Беллмера послужила история из жизни художника Оскара Кокошки – замена бывшей возлюбленной натуралистичной куклой, сопровождавшей Кокошку повсюду. Идея создания деформированного тела с искаженными пропорциями была, согласно И.А. Кулик, с одной стороны, созвучием идеям сюрреализма, с другой – попыткой противостоять искусству зарождающегося фашистского режима.

Первые куклы Беллмера появились в 1930-е гг. в противовес официальному искусству Третьего рейха: культу арийского здоровья и атлетической эстетики. Знакомство Беллмера с сюрреалистами и первые работы в качестве иллюстратора утвердили приверженность Беллмера к течению сюрреалистов и дадаистов, что автоматически причисляло его работы к «дегенеративному искусству» [12]. «Эстетика уродства», склонность к метаморфозам, гротеск, извращенная сексуальность, притягательность отталкивающего кукол Беллмера полностью соответствуют контексту сюрреалистического искусства.

Куклы Беллмера, по мнению И.А. Кулик, стали отражением увлечения фотографа психопатологическими исследованиями 30-х гг. XX в.: работами психиатров Пауля Шильдера «Образ и облик человеческого тела» и Жана Лермитта «Образ нашего тела». По Беллмеру, куклы – это модель для сборки, олицетворение тела как объекта, мутация женского тела в результате мужского влияния. В этой интерпретации видны характерные для Шиле отсылки к психогенной теории истерии и способности физического видоизменения тела под влиянием психических воздействий.

В трактате «Маленькая анатомия физического бессознательного, или Анатомия изображения» (*Petite anatomie de l'inconscient physique ou l'anatomie de l'image*) [13] Беллмер описывает два случая истерии: в период полового созревания двух девочек-подростков психиатры наблюдают случай психопатической гемианопсии (частичной слепоты). При этом у одной из пациенток наблюдается истерический бред о зрении носом и левым ухом, у второй – о возможности видеть левой рукой. Беллмер объясняет симптомы невозможностью выразить свою сексуальность. Как выход из ситуации Ханс Беллмер описывает тело – эротический палиндром, где каждый орган и каждая часть становятся эрогенной зоной. Поздние куклы Беллмера являют собой свободно представляемые части тел.

Деформированные куклы Беллмера представляют собой высшую степень сюрреалистичной эстетизации уродства, равно как и картины Эгона Шиле, отходя от канонов скульптуры и живописи классических пропорций.

Эстетизация психических патологий в целом характерна для сюрреализма и позднего экспрессионизма. Эстетика психопатии и истерии – одна из главных концепций сюрреалистов, пришедшая из книг Марселя Режа «Искусство душевнобольных», Ганса Принцхорна «Творчество душевнобольных. О психологии и психопатологии образотворчества».

Искусство Беллмера и Шиле позволило расширить границы нормы и послужило толчком к появлению большого числа последователей: Яна Шванкмайера, Синди Шерман, Тони Оуслера, Луиз Буржуа.

Согласно Андре Бретону, эстетизация психических патологий призвана изменить отношение к понятию «нормальности»: «Искусство тех, кого мы сегодня относим к категории душевнобольных, представляет резервуар нравственного здоровья» [14, p. 887]. Таким образом, сюрреалистическая эстетика «ненормальности», уродства становится предпосылкой для появления новой нормы, нашедшей отклик в современных тенденциях боди-позитива, боди-модификации и скарификации, стирая тем самым грани между «нормой» и «анти-нормой», высоким искусством и повседневной жизнью.

Ссылки:

1. Смирнов И.П. Психодиахронология: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
2. Голенищев-Кутузов И.Н. Гийом Аполлинер, его друзья и последователи // Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. М., 1975.
3. Сануйе М. Дада в Париже. М., 1999.
4. Антология французского сюрреализма: 20-е годы / сост., пер. с фр., коммент. С.А. Исаева и Е.Д. Гальцовой. М., 1994.
5. Шенье-Жандрон Ж. Сюрреализм / пер. с фр. С. Дубина. М., 2002.
6. Breton A. Oeuvres complètes. Vol. 3. Paris, 1988.
7. Шенье-Жандрон Ж. Указ. соч. С. 186.
8. Антология французского сюрреализма ...
9. Шарко Ж.М. Клинические лекции по нервным болезням. Харьков, 1885.
10. Hofmann W. To Speak on Art // The Stanford Daily. 1964. Vol. 145, iss. 56. 13 May.
11. Кулик И.А. Эгон Шиле – Ханс Беллмер. М., 2015.
12. Козлов Г. Дегенераты против истинных арийцев // Артхроника. 2007. № 7–8. С. 90–103.
13. Bellmer H. Petite anatomie de l'inconscient physique ou l'anatomie de l'image. Paris, 1957.
14. Breton A. Op. cit. P. 887.

References:

- Bellmer, H 1975, *Petite anatomie de l'inconscient physique ou l'anatomie de l'image*, Paris, (in French).
- Breton, A 1988, *Oeuvres complètes*, vol. 3, Paris, (in French).
- Chenier-Zhandron, J & Dubin, S (transl.) 2002, *Surrealism*, Moscow, (in Russian).
- Golenishchev-Kutuzov, IN 1975, 'Guillaume Apollinaire, his friends and followers', *Romanskiye literatury*, Moscow, (in Russian).
- Hofmann, W 1964, 'To Speak on Art', *The Stanford Daily*, vol. 145, iss. 56, 13 May.
- Isaev, SA & Galtsova, ED (comps.) (transl.) 1994, *Anthology of French Surrealism: 1920s*, Moscow, (in Russian).
- Kozlov, G 2007, 'Degenerates against the true Aryans', *Artchronika*, no. 7-8, pp. 90-103, (in Russian).
- Kulik, IA 2015, *Egon Schiele – Hans Bellmer*, Moscow, (in Russian).
- Sanouillet, M 1999, *Dada in Paris*, Moscow, (in Russian).
- Sharko, ZhM 1885, *Clinical lectures on nerve diseases*, Kharkov, (in Russian).
- Smirnov, IP 1994, *Psychodiagnostics: the psychohistory of Russian literature from romanticism to this day*, Moscow, (in Russian).